

писателей, причем такие, которые близки ему не только основной своей направленностью, но и стилистически. Потому-то Послание, столь обильно насыщенное цитатами, воспринимается все-таки как стилистически единое литературное произведение.

Пытаясь представить идеал монашеской жизни, далекой от мирских интересов, Грозный ищет поддержки церковных авторитетов. И не случайно, конечно, Послание изобилует цитатами именно из сочинений Илариона — теоретика раннесредневекового аскетизма. Страстные филиппики Илариона обличают отступления монастырей от строгих правил иночества, стремление монахов походить на «мирских домодержцев» (стр. 183), участвовать в активной политической деятельности: «Мирскому бо подобает мирская строити, а иноку иноческий путь правити . . . Хульно же и проклято, еже видети мниха, сан в мире приемлюща и мирская строящу, и богатство беруща . . . А ныне видим вы, и старья и младья, яко кождо вас власти от царя и от вельмож ищите, от бояр же имения, от убогих же чести и поклонения» (стр. 185). Взглядам Грозного соответствовали и наблюдения Илариона над отношением современных ему монахов к апостольским заветам: «Имяны их любим зватися, жития же их не подражаем» (стр. 188).

Едва ли не знакомство с сочинением Илариона укрепило Грозного в мысли обратиться с учительным посланием в монастырь, основатель которого, по преданию, тоже склонен был к аскетизму. Первоначально Грозный собирался по традиции опереться на сочинение Василия, но, «разгнув книгу, обретох» послание Илариона, увидел, что оно «зело к нынешнему времени ключаемо», и счел это за «божие некое повеление . . . и сего ради дерзнух писати» (стр. 166).³ Цитатничество (если дозволено применительно к писателю далекого прошлого употреблять это современное слово) вообще характерно для средневекового мышления, это типичный прием доказательства в сочинениях той эпохи.

Грозный отнюдь не склонен, однако, ограничиться давними примерами раннехристианского благочестия. Напротив, он настойчиво старается показать, что подлинное благочестие присуще было и русским монастырям: «Ведь по всем монастырем сперва начальники устави крепкое житие, да опосле их разорили любострастием»⁴ (стр. 173). Попытки «постническое житие искоренити» (стр. 176) он рассматривает как «чюдотворцеву преданию преступление» (стр. 172), прибегает даже к такому сильному сравнению: «Христос распинаем — чюдотворцево предание преобидимо» (стр. 168) — и напоминает о прославленных основателях монастырей, которые «не гонялися за бояры, да бояре за ними гонялися, и обители их распространилися» (стр. 180).

Повинны в «любострастии» прежде всего бояре-постриженники, внесшие мирские обычаи в монастырь и дух неравенства в обиход монахов. В таких монастырях остались «точию одеянием иноцы, а мирская все совершается» (стр. 173). «Шереметева устав» противопоставляется «Кирилову уставу»: «да помалу, помалу весь обиход монастырской крепостной испразднится и будут все обычаи мирския» (стр. 172).

³ Грозный ссылается, однако, и на сочинение Василия (стр. 180), отождествляя, видимо, Василия Амасийского с Василием Великим. Любопытно, что и Курбский особенно высоко ценил «Постническую книгу» Василия. Курбский беседовал о ней с «еретиком» Артемием, прославлял Феодорита за то, что тот, став архимандритом, монахов «уздает и востязает страхом Божиим, наказующе по великому Василиеву уставу жителствовати» (РИБ, т. XXXI, 1914, столб. 334, 415—418).

⁴ И Курбский упомянул о «жестоком и святом жителстве» кирилловских «святых мужей» (РИБ, т. XXXI, столб. 325). Он же писал и о «любострастном мнишеском роде» (там же, столб. 338).